

ги съ какимъ-то вычетомъ. Писарекъ со-
дралъ съ меня четыре рубля за хлопоты
и обнадежилъ въ скорой получкѣ. На тре-
тій день узнаю: 1) изъ сената еще не было
бумаги о моемъ увольненіи изъ податнаго
состоянія, и 2) въ аттестатѣ стоитъ одно
отчество, а въ увольнительномъ свидѣтель-
ствѣ общества другое—по крестному отцу.
Много бѣдъ дѣлаетъ мнѣ мое рожденіе съ
двумя отчествами!... Но чѣмъ мнѣ жить,
чѣмъ мнѣ жить? Сегодня продалъ свой
калмыцкій тулупъ... Я придерживалъ бы
деньги, если-бы не надежда на получку
изъ мѣщанскаго общества, и если-бы ко-
роче зналъ дѣла „бѣлой залы“. Я думалъ
здѣсь на расхватъ актеры. Но вотъ уже
четвертая недѣля поста, а антрепренеровъ
пока одинъ, и то нужна рекомендациѣ то-
варищей или известной свахи въ этихъ
дѣлахъ Г—кова.

Въ „бѣлой залѣ“. ничего бѣлаго. Грязно,
закопчено, печально,—какъ нельзя лучше
гармонируетъ съ настроениемъ провин-
ціальной актерской души. Пьютъ водку,
чай, рѣдко кто рискнетъ „порцію раковъ,
окрошку“. И тутъ актеры играютъ коме-
дію—да еще какую комедію! у всѣхъ лица
веселыя, сіяютъ,—а что на душѣ-то? На
этомъ грязномъ фонѣ, за ихъ спиною, мнѣ
мерещатся страшныя картины; бѣдныя ко-

пурки; жены, дѣти, вздрагивающія при каждомъ скрипѣ отворяемой двери... можетъ быть это онъ, несущій вѣсть, которая дастъ имъ хлѣбъ на годъ, или голодъ и отчаяніе! О Боже, понимаю, почему такъ крѣко охватило сивушное царство закулисный міръ *).

— Здѣсь бѣлое зало? бойко спросила меня на подъѣздѣ какая-то барыня.

— Здѣсь.

— Куда идти?

— Я иду туда, пойдемте, не безъ удивленія отвѣчалъ я.

— Вызови мнѣ, обратилась она къ половому, какого нибудь антрепренера.

— Чего-сь?

— Здѣсь набираютъ актеровъ и актрисъ?

— Здѣсь-сь.

— Ну, и скажи какому-нибудь антрепренеру, что я желаю его видѣть.—Я любительница, играла въ Кронштадтѣ, у меня есть афиши.. Гдѣ мнѣ подождать?

*) Я знаю актера, который передъ обѣдомъ и ужиномъ пьетъ по кружкѣ, вмѣщающей полштофа. Мгновенно онъ ошалѣеть, ничего не видитъ... сердобольная жена пособляетъ ему поймать вилкою кушанье! Меня всегда удивляютъ подобные пары. А этихъ мужей-паразитовъ очень много и, что досаднѣе всего, жены у нихъ—прекрасные таланты!

— Здѣсь мужчины только, актерки не входятъ-съ.

— Ахъ, Боже мой! Какъ-же... мнѣ ска-зали...

— На квартиру пожалуйте... Вотъ у насъ прибыла вчера антрепренерша, въ Оренбургъ набираетъ.

Бѣдная!

Я обѣдаю у С—вой, и мысль, что я помогаю сѣѣдать трудовыя деньги бѣдной дѣвушки, заставляетъ меня краснѣть до слезъ. Я было отказался, но она обидѣлась... Бездомный скиталецъ, я давно не встрѣчалъ такой ласки.

Пріѣхалъ Б—ъ, антрепренеръ съ юга, шикарить и сорить деньгами. За этимъ коротенъкимъ антрепренеромъ, какъ тѣнь, неотступно ходить его компаніонъ, что-то доброе, но длинное и вытянутое... Они были у С—вой и законтрактовали ее. Звали и меня, но вдругъ стали избѣгать. Причиною былъ пріѣздъ талантливаго комика Но—ва... Судьба начинаетъ меня поколачивать. Подступаютъ черные дни. Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? Володя пишетъ, что въ Харьковѣ новая дирекція, что Мил—скій главноуправляющимъ и согласенъ, чтобы я пріѣхалъ. Я тутъ ничего не дождусь, все смотрять какъ-то недовѣрчиво на мою молодую фигурку... надо во что бы ни стало

ѣхать! Но гдѣ взять денегъ? Дилижансы по слухаю разлива не ходятъ... С—ва меня жалѣеть, торопить отъѣздомъ. Душа моя дрожитъ и бьется какъ птица въ клѣткѣ. Слезы давятъ горло.

Я пошелъ на улицу. Слякоть, снѣгъ валить хлопьями. Меня немного освѣжило. Въ освѣщенному окнѣ книжного магазина я увидѣлъ февральскую книжку толстаго журнала. Я вспомнилъ, что этотъ журналъ обѣщалъ напечатать мои сцены, высланныя изъ Пензы, и рѣшился идти къ редактору. Мокрый, дрожа отъ сырости и волненія, вошелъ я въ контору. Какой-то блондинъ повелъ меня длинными коридорами, объясняя, что у нихъ идетъ перестройка, и наконецъ я вступилъ во святилище. Теплота и свѣтъ оживили меня. Пожилой господинъ съ русою бородкою читалъ что-то при свѣтѣ лампы... Онъ заговорилъ со мною ласково, только эта ласка отчего-то меня коробила; глаза, чортъ знаетъ, эти глаза! заигрывали...

— Впередъ?... да? Сколько-же вамъ?

Мнѣ необходимо было пятьдесятъ рублей, но я выговорилъ: „двадцать пять!“ Въ эту минуту о комъ-то доложили.

— Извините. Вы потрудитесь получить отъ секретаря, проговорилъ онъ.

Я пошелъ въ контору. Секретарь былъ

тотъ блондинъ, что меня велъ. Не знаю почему, но мнѣ все казалось, что своею щепетильною вѣжливостью онъ подражаетъ редактору.

— Будьте обязательны, садитесь. Я его обязалъ.

— Мнѣ поручено предварительно сообщить вамъ иѣкоторыя условія.

Меня покоробило.

— Пѣесу вашу, хотя мысль односторонняя (неужели двустороннія мысли лучше? мелькнуло у меня), редакція все-таки принимаетъ съ благодарностью, готова напечатать, видѣть въ васъ талантъ, но съ условіемъ...

— Вона какой журналъ, подумалъ я: таланты съ уговоромъ... не понимаю! Что же такое? спросилъ я громко.

— Тутъ надо кое-что измѣнить, поэтому, если согласны, отдайте ее въ полное распоряженіе редакціи...

— Что-же измѣнить?

— Не цѣлыхъ фразы, иѣть! а въ корректурѣ слова иѣкоторыя... потому что вотъ видите-ли... враждебный лагерь... хотя пустяки... но не смотря на это...

Говорилъ онъ много, увлекательно, точно прислушиваясь къ своимъ словамъ; только я все-таки ничего не понялъ. Нечаянно я глянулъ на его пальцы, барабанившіе все

время по одному мѣсту моей рукописи. Эврика! Пьеса посвящалась у меня „памяти Н. А. Добролюбова“, пальцы играли по этой фамиліи... Прости меня, уважаемый человѣкъ, ты самъ вѣдалъ и зналъ нужду!

— Да, вотъ что! заговорилъ я, будто вспомнивъ: я хотѣлъ просить васъ вычеркнуть это посвященіе...

— О, то-есть, видите, ничего-оо! но... если угодно... да... рука примиренія... Но его рука уже вычеркнула. Тутъ-же мгновенно онъ вручилъ мнѣ и двадцать пять рублей.

— Будьте обязательны, для памяти... и онъ подсунулъ мнѣ лоскуточкъ бумаги. Я написалъ расписку. Дорого достались мнѣ эти деньги! Мнѣ все кажется, что я ихъ подлостью добылъ...

Этихъ денегъ мнѣ далеко не хватаетъ. Я тщательно отъ всѣхъ скрываю мою нужду... но тутъ, какъ мнѣ ни тяжело было, я рѣшился объяснить все С—вой.

— Я безъ бурнуса останусь, проговорила она, улыбаясь, и вручила мнѣ деньги. Слезы душили меня, я ушелъ скорѣе въ свой номеръ и зарыдалъ...

Я такъ рѣшилъ: за расплатою въ гостинице и проч. у меня на лицо остается семнадцать рублей; часовой у почтамта обна-

дежиль, что мёня довезёт до Харькова за 20 рублей почтальонъ, ёдущій съ поштою въ понедѣльникъ; 10 рублей ему впередъ, 10—на мѣстѣ. Сегодня еще суббота; но мой крошечный капиталъ не позволяетъ долѣе оставаться въ гостиницѣ. Сердце сжимается и ноетъ... Я выѣхалъ въ двѣнадцать часовъ будто бы на почтовую станцію.

Мнѣ не вѣрится, что были эти дни. Нужда безжалостно сжала меня и понесла, какъ осенний вѣтеръ носить и бить перекати-поле!

Чемоданчикъ свой я отдалъ часовому и началъ мое скитаніе по улицамъ Москвы. Чтобы сохранить мой капиталъ, я думалъ провести эти двѣ ночи въ вокзалѣ желѣзной дороги, убивая день въ биллардныхъ. Пшелъ снѣгъ...

— Кого вы ждете? спросилъ солдатъ въ вокзалѣ. Я долженъ былъ разстаться съ мыслью ночевать тамъ. Я взялъ номеръ въ какой-то грязной гостиницѣ, на другой день тоже... Что мнѣ лѣзло въ голову въ эти дни, не дай Богъ никому! Я думалъ, конца не будетъ этимъ днямъ, какъ не было конца тѣмъ нотамъ, которыя тянули мой сосѣдъ на флейтѣ, тянули неотбойно, не умолкая, точно тоскуя и оплакивая незамѣнимую потерю.

Оказалось, что и въ понедѣльникъ по-

чemu-to бхать нельзя, а во вторникъ, и то только до Орла за 10 р., съ передачею въ Тулѣ другому почтальону. Солдату я далъ за хлопоты три рубля; за вычетомъ десяти рублей почтальону у меня осталось восемьдесят пять копѣекъ. Я перепочевалъ въ конурѣ часоваго... Въ Орлѣ найду Михайлова, Юнга... неужели они не выручатъ? Часовой угостилъ меня своими щами... Я ожидалъ почтальона около Желѣзного моста, подъ воротами какого-то дома. Подлѣ стоялъ мой чемоданчикъ. Часа полтора я ждалъ. Валилъ мокрый снѣгъ. Громадные почтовыя телѣги загремѣли и остановились. Прохожіе стали глядѣть...

— Скорѣй, скорѣй! шепталъ почтальонъ. Эхъ, чортъ возьми, Петровъ идетъ!

Я едва успѣлъ приткнуться на какой-то сумкѣ съ цѣнными. Телѣги опять загремѣли.

— Зачѣмъ вы надѣли эту шапку? проговорилъ почтальонъ, боязливо озираясь.

— Я ее выворочу.

На мнѣ была моя старая студенческая шапка на кожѣ. Она мнѣ служила вѣрою и правою уже три года. О какомъ Петровѣ ты говоришь?

— Э, почтальонъ нашъ! Дрянь человѣкъ, донесетъ. Онъ плонулъ.

— А кто это на той телѣгѣ?

— Почтальонъ. Насъ провождаетъ до заставы. Этотъ—славный парень, не скажетъ.

Я все боялся, чтобы намъ не попался кто изъ моихъ знакомыхъ... Верстъ десять уже проѣхали, земля вся была покрыта мягкимъ снѣгомъ, а почтальонъ все оглядывался. „Догнать могутъ“, говорилъ онъ. Должно быть новичекъ, думалъ я, но въ этомъ скоро разувѣрился: на первой станціи, среди кромѣшней тьмы переложили тюки съ пяти фуръ на двѣ, вместо 19 лошадей вывели 8. „Каково грабятъ“, шепталъ я, взираясь на тюки, сажени двѣ вверхъ, и повторяя это восклицаніе въ утѣху себѣ при малѣйшемъ толчкѣ; а каждый толчекъ сулилъ сломить шею. Утро занялось печальное и грустное какъ моя фигура. Снѣгъ шель и шель... и всю дорогу до Серпухова — снѣгъ! Лошади чуть двигались... Я думалъ, замерзну въ своемъ ватномъ пальтишкѣ. На послѣдней станціи ямщикъ сжалился надъ моимъ посинѣлымъ лицомъ и далъ рогожку. Съ Серпухова начались дожди. Избитаго, мокраго, соняга—почтальонъ ссадилъ меня въ Тулѣ у какой-то харчевни и велѣлъ дожидаться прихода товарища, который повезетъ меня дальше. Я не смѣлъ войти въ харчевню:

у меня не было копѣйки. Чахлые, испытанные мастеровые весело входили туда, одного изъ нихъ долго умоляла не ходить блѣдная, больная женщина.

— Не ходи, голубчикъ, не ходи. Дай хоть на ёду-то дѣткамъ... а? Не ходи.

— Молчи!

— Голубчикъ Семенычъ, не ходи... а?
Не умирать-же намъ съ голоду... а?

— Молчи!

Онъ ударилъ ее въ грудь и ушелъ за товарищами. Долго кашляла баба, харкала кровью и плакала, потомъ усѣлась у стѣны и стала терпѣливо ждать. Пришли старый и новый почтальоны и просили угостить чаемъ.

— У меня денегъ нѣтъ, прошепталъ я,

— Ну, я угощу, сквитаемся въ Орлѣ,—
сказалъ новый. Я пошелъ за ними, закусивъ губы, чтобы не заплакать...

Новый почтальонъ, замѣнивший прежняго, везъ первую станцію съ комфортомъ, а тамъ опять тоже. Въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ надо было сдавать почту, я сходилъ при вѣздахъ, шлялся часа три по городу, потому что въ трактире не на что было зайти; въ условленномъ мѣстѣ я ждалъ почты. Вторыя сутки я ничего не ъѣлъ. Голова кружилась... На вышинѣ двухъ сажень я легъ навзничъ на тюки и мерт-

вещки проспалъ двѣ послѣднихъ станцій. Одинъ Богъ знаетъ, какъ я не слетѣлъ. Въ Орѣль прїѣхали въ глухую ночь, наканунѣ страстной субботы. Попался извозчикъ и я велѣль везти себя въ гостинницу Рѣпина. Чемоданъ былъ пробить дождемъ насквозь. Извозчикъ пьянъ до нельзя... Я принялъся ругать его и доказывать, что не хорошо пить въ такие великие дни! Въ гостинницѣ встрѣтилъ тотъ же стариkъ Иванъ, обрадовался, непрошеннѣй расплакался съ извозчикомъ, накормилъ меня и спать уложилъ. Я и виду не подальше, что прїѣхалъ не самъ по себѣ, что ни полушки денегъ. Я съ попутчикомъ, говорилъ я ему, купецъ какой-то поѣхалъ на станцію, а я—сюда.

Я проспалъ до 12 часовъ. Одѣлся и пошелъ разузнавать о театрѣ и разыскивать знакомыхъ. Не веселое я узналъ. Театра не предполагалось до сентября, Юнгъ уѣхалъ въ Москву, Михайлова въ К*. Востоковъ накаталъ на себя нѣсколько ~~ты~~ сячъ долгу. У меня сердце захолонуло... Тяжелая то была минута! Все, что можно продать, продано еще въ Москвѣ, Я рѣшился идти къ директору гимназіи. Онъ встрѣтилъ меня ласково, вспомнилъ въ роли Орѣхина. Я просилъ 20 р., онъ вынесъ 25, извиняясь, что меныше иѣть.

О, есть добрые люди, есть!

Мнѣ находился попутчикъ, но я далъ слово почтальону и мнѣ было совѣстно его надуть... Мало я вкусила удовольствій! За дорогу до Харькова надо было отдать 12 р., лишнихъ оставалось 13 р. Расплатился въ гостинницѣ, послалъ телеграмму („Христосъ воскресъ“) С—вой и остался при трехъ рубляхъ. Въ ожиданіи отѣзда отыскалъ Востокова: увы! гдѣ комфортъ, обстановка зимняя? Бѣдная хатка на косогорѣ, продающіяся остатки театральной мебели; а самъ—распухъ, немытый, въ русской рубахѣ и смазныхъ сапогахъ. Э*—же на его теперь—очень мнѣ обрадовалась.

— Кой чортъ принесъ тебя сюда? спросилъ онъ.

— Ёду въ Харьковъ.

— Не врешь?

— Не вру. Мил—скій зоветъ.

— Ну коли онъ, такъ ёдемъ лучше играть въ Трубчевскѣ! Вотъ—жена, братъ, еще кое-кто... Въ сентябрѣ сюда, дирекція.

— А шансы?

— Никакихъ! Видишь этотъ кулекъ: тутъ семь фунтовъ говядины и петрушка—это наше розговѣнье. Приходи. Жена заплакала и скорѣе ушла.

— Обидѣль-ли я кого? Обидѣль-ли? Всѣмъ дѣлалъ что могъ: Гореву, Рыбакову,

тебѣ, другимъ... Обидѣлъ-ли тебя, говори!

— Нѣть.

— Ну, а у меня ничего нѣть! Письма не на что послать. Вотъ мебель... тридцать рублей даютъ... Ёду съ жidомъ. А что задолжалъ—не могу я! Я хочу все хорошо... не могу! Я прямо все рублю. Оттого и не взлюбили. Слушай! прямо рублю... прямо... потому...

Мнѣ было его очень жаль.

Почтальонъ велѣль быть на-готовѣ, „почта вотъ-вотъ придетъ, сдастъ что надо, приметъ,—и дальше“. Но вотъ десять часовъ, половина одиннадцатаго вечера,— нѣть какъ нѣть! Я не зажигалъ свѣчи и лежалъ на кровати. Все стихло,—и вдругъ загудѣли колокола, загомонилъ народъ... Я порядкомъ всплакнулъ.

Почта пришла въ восемь часовъ. Выѣхали въ десять. До Курска добрались относительно прежней дороги покойно. Въ Курскѣ вдругъ узнаю, что ни одинъ почтальонъ не берется меня везти: на дняхъ хотѣли ограбить почту, какой-то сѣдокъ въ родѣ меня, поэтому надзоръ строжайшій. Почтальонъ возвратилъ мнѣ шесть рублей. Надо было взять номеръ... Съ возами прошли четыре рубля, ѿхать трое сутокъ. Я предпочелъ сыграть здѣсь шесть спектак-

лей за поль-сбора. Группа голодная, Богъ вѣсть чѣмъ перебивающаяся; душа ныла на эту бѣдность, увеличенную семинедѣльнымъ постомъ. Видѣлъ Михайлову. Так же ласка и привѣтъ, тоже нужда.

— Не обезпечивъ поль-бенефиса—нельзя остаться, говорила она. Сборы очень плохи. Хуже задолжаете, голодомъ насищитесь.

Идя отъ нея, я встрѣтилъ дормезъ съ какими-то проѣзжими. Раньше я заходилъ на станцію и просилъ о пощутчикѣ, думая, если увижу порядочного человѣка, буду проситч довезти до Харькова, а деньги на мѣстѣ возьму у Володи. Я машинально поспѣлся за дормезомъ. Изъ него вышли штатской съ бакенбардами и блѣдная, недурненькая барыня. Краснѣя, я объявилъ имъ, что разсчитывалъ доѣхать въ дилижансѣ, но вдругъ узнаю, дилижансы не ходятъ и проч. Это были добрые и честные люди, потому что долго совѣстились сказать, что въ экипажѣ нѣтъ мѣста.

— Да я на козлахъ, на перекладной не лучше-же! Я улыбнулся: мнѣ припомнились слова „пѣтушкомъ, пѣтушкомъ!“ Такимъ-то пѣтушкомъ и доѣхалъ я до Харькова. Имя этого человѣка—мировой екатеринославскій посредникъ Войналовичъ.

Володя сказалъ, что я опоздалъ. Я кинулся къ Мил—скому. Главноуправляющій

принялъ меня важно, холодно, чистя ногти. Онъ завелъ контору, исходящія и входящія бумаги, секретаря... Секретарь—знакомый студентъ Денисовъ. Секретарь нальпилъ кокарду... и держитъ себя со-лидно.

— Ей-Богу, не знаю, говорилъ Мил-скій, кривляясь по обычая: народу у меня гибель. Свѣчей купилъ, Денисовъ?

— Купилъ.

— Ты смотри, записывай. Меня и то воромъ называютъ. Сочинили, что я укралъ три тысячи, когда мнѣ М—кампфъ далъ двѣ съ половиною.

— Н-да. Такъ какъ же?

— Вы все о мѣстѣ?

— Вы вѣдь сказали Гераклитову, чтобы онъ писалъ мнѣ. Я не прямо на жалованье, а па дебюты.

— Да что дебюты? Конечно хорошо примутъ.

— Только и нужно.

— У насъ и такъ много. Ей-Богу, я не хотѣлъ бы вамъ отказать, но и то много набралъ.

Убитый, я вышелъ отъ него. Трущіа глядѣть недоступно, насмѣшливо, точно рада чужому горю. И какъ не радоваться? нужда осадила мальчика и крикун! А какая радость разлилась въ сердцѣ педаго-

говъ... А, да Богъ съ ними! Я не ворую пяти-алтынныхъ съ каждого аршина дѣтскихъ сюргуковъ...

Актеръ Лавровъ собирался на югъ. Волody предложилъ мнѣ пятьдесятъ рублей и на эти деньги, въ одной парѣ платья, добрался я съ Лавровымъ до Таганрога, а оттуда съ труппою антрепренера „дворянинъ“, въ Ростовъ, на пароходѣ, по широко разлившейся рѣкѣ, при громѣ театрального оркестра, состоящаго изъ семи человѣкъ...

Дебюты только кончились, я счастливъ: у меня есть кусокъ хлѣба. Кусокъ хлѣба!...

Я еще на моей короткой дорогѣ встрѣтилъ не одну добрую душу. Другому нѣть и этой удачи. Слабость воли, отказъ въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ, отчаяніе, поднесутъ чарку водки,—и вотъ во весь ростъ пилигримство! Актрисѣ —, другой выходъ...

Это — кладбище, гдѣ сложены дѣла жизни.

V.

Труппа, обросшая мохомъ и моло-
дые отпрыски.

А УЗЕНЬКИХЪ улицахъ нечи-
стота; въ театрѣ старая-преста-
ная труппа, богатая*), обсыпыва-
ющаяся, обросшая мохомъ. „Ни-
чего святаго!“—девизъ ея...

— Я-жъ говорю, скажи матери, что она...
такая-то, учить „дворянинъ-антрепренеръ“
шестилѣтнюю дочь свою.

— Мамаша, ты...

— А ты скажи, что папаша—скотъ!

— Папаша, ты—скотъ!

— Я-жъ говорю, она пьяница!

*) На югъ несравненно менѣе развито пи-
лигримство.

— Мамаша, ты нянича...

Это—будничная, семейная жизнь! Весело улыбается дрябло-холодное лицо антрепренера „номеръ первый“, играютъ его вороватенькіе глаза, сиплый голосъ еще больше синетъ. Восторгу моему не было предѣловъ, когда онъ, подавъ мнѣ, новобранцу, стаканъ цымлянского, назвалъ меня единожды по имени и отчеству. Рисуетъ онъ мнѣ, какъ заживемъ мы съ нимъ, рисуетъ „чистенъкую труппу, чистенъкихъ актеровъ“. Умиляюсь я и забываю о его бритой головѣ въ ермолкѣ, о его безсердечномъ обращеніи съ братомъ жены.. Былъ этотъ малый у него и кучеромъ, и водовозкой, и реквизиторомъ; спалъ онъ гдѣ-то въ сѣняхъ; отъ прежнихъ рубахъ, оставленныхъ покойною матерью, осталась только грудь—манишка; полы сюртука онъ каждое утро сшивалъ, чтобы не расходились... и наконецъ, когда любящій родичъ хотѣлъ окрестить малаго палкою за то, что тотъ не досталъ часовъ на реквизитъ, чаша переполнилась, бѣднякъ не выдержалъ,—и великий антрепренеръ полетѣлъ въ оркестръ!.. Вмѣшательство полиції развело ихъ полюбовно, заставивъ антрепренера пріодѣть брата...

Антрепренеръ „номеръ первый“ — ихъ два номера — велики въ малороссійскихъ

роляхъ... Онъ дѣлаетъ особенную честь двадцати-рублевымъ актерикамъ, удостоивъ ихъ приказаниемъ покупать у него гнилые чулки на пейзановъ и перчатки на балъ... У него въ жилахъ кровь дворянина, и поэтому онъ смѣло приказываетъ солдату Завайко: „дать актеру Сизову въ зубы!“ Встаетъ онъ въ шесть часовъ и начинаетъ будить антрепренера „номеръ второй“.

— Вставай, скотина!

— А? что? и прогекасно!...

Номеръ второй свертывается кренделемъ на узенькомъ диванѣ и опять спитъ.

— Я-жъ говорю, корова, вставай!

Номеръ второй охаетъ, кряхтитъ... Бѣдный старикъ—теперь ничто, хотя театръ въ сущности его; но „дворянинъ“ уже нѣсколько лѣтъ выдаетъ ему сколько хочетъ денегъ, и старикъ доволенъ, забывая, что уже ввалили ему счетъ въ стоимость театра... Онъ двадцать лѣтъ несъ на своихъ рукахъ съ Петровымъ русскую оперу, видѣлъ людей и хорошую жизнь; теперь званный и не-званный шляется на обѣды къ здѣшнимъ тузамъ, вылезшимъ въ тузы чрезъ „мѣдвѣдя“ *); разсказываетъ этотъ

*) У дѣлателей фальшивыхъ бумажекъ былъ на караулѣ медвѣдь, такъ и осталось это название за ними.

„полу-французъ русскій“ о своей столичной жизни, о Парижѣ, объ упадкѣ нынѣшней музыки; въ заключеніе сиоетъ погибшимъ голосомъ „не тоскуй, не горюй“, и блаженно-счастливъ.

— Я-жъ говорю, скотина, вставай! мило шутить номеръ первый.

— Встаю, встаю...

Являются прихвостни. Входитъ старчесмотритель и гнусить сплетню о прислугѣ и актерахъ; влѣзаетъ тутъ-же живущій суплеръ, вѣчно-сердитый, съ дикими глазами, и тоже сплетничаетъ; входитъ, понюхивая табакъ, старче-враль Г*, разскажетъ, какъ его жена провела ночь, вспомнить о своемъ первенцѣ, сказавшемъ еще съ купели: „отто здравствуйте, папенька!“ и тогда же Богу душу отдавшемъ; тутъ же мимоходомъ ввернетъ каверзу товарищу; забѣжить и главный старче-актеръ подергать головою и помытать, что слышалъ „за пулькою“...

Номеръ первый слушаетъ, переспрашивается; кровь подогрѣвается и наконецъ закипаетъ; на репетицію является звѣремъ: шапка на затылкѣ, на поклоны труппы хоть-бы кивнуль, плотника Толмачева въ полицію, другаго въ зубы... полное торжество власти!.. А жена навѣрно къ вечеру пьяна... Но когда напримѣръ изъ

того, что актриса уступила уголокъ сторожу-солдату, онъ выведеть заключеніе, что она „живеть съ солдатомъ“... то тотъ-чать становится счастливъ и неузнаваемъ: киваетъ на поклоны, раздаетъ улыбочки, говорить шуточки, сальности...

А, говорятъ, онъ не былъ прежде такимъ. Да кто же уѣлѣтъ среди этихъ бездушныхъ, изгнивающихъ старцевъ, которыми давно пора въ могилу, которые и сами съ незапамятныхъ временъ погибли въ свою очередь вслѣдствіе ужасающей обстановки, гнетущей неотбойно, чуть не съ самой минуты рожденія. Гроши, склонченные антрепренерствомъ въ севастопольскую кампанію, сдѣлали его надменнымъ передъ низшими, рабомъ предъ высшими, окружили его „дворнею“ наушниковъ. Прежде онъ былъ просто „такой-то“, но тутъ, едва-ли не темными путями, превратился онъ въ „дворянина“ съ двойной фамиліей. Всность онъ тѣшится этимъ дворянствомъ: водку въ кабакѣ берутъ „для дворянина“, рекомендуется онъ не антрепренеромъ, не актеромъ, а „дворяниномъ“ такимъ-то.

Проблескъ лучшаго прошлаго явижу въ его попеченіяхъ о Горевѣ, которому врядъ-ли придется подвизаться еще на театральныхъ подмосткахъ. По выѣздѣ

своемъ изъ труши Востокова Горевъ отморозилъ себѣ ногу и чуть не годъ лежитъ въ таганрогской больницѣ. Нашъ антреиеръ посыаетъ ему чай, сахаръ и деньги...

Какое-то непонятное чувство меня гнететъ. Я одинъ-одинехонекъ... У меня нѣть товарища. Я надѣялся, что у меня будетъ кого любить... Любить такъ хорошо... а между тѣмъ въ сердцѣ уже жолчь закипаетъ, въ ушахъ звучитъ: „коли хочешь потерять мѣсто, возмущайся, бранись! Тебѣ не нравимся мы? Зачѣмъ-же ты полѣзъ въ нашу яму? Не трись около сажи! Тебя возмущаетъ, наша семейная жизнь, наши заброшенныя дѣти, умѣющиа съ десяти лѣтъ подкладывать штось, подглядывать ночные пирушки матерей... посмотримъ, какъ ты своихъ воспитаешь?“

Нѣть, пе мнѣ произносить надѣ вами судъ! Я жалѣю васъ, потому что есть-же лучшая жизнь. Съ зари до зари сидите вы за зелеными столами, съ зари до зари пьяные, охающіе и ругающіеся. „Резонеръ“ требуетъ отъ „любовника“ карточный рубль. Тотъ утверждаетъ, что не имѣеть привычки не расплачиваться, какъ иные другіе.

— Ты нешибко, голубчикъ! злобно говорить резонеръ; не декораторъ я тебѣ, не побѣши!

— Душинецька, ты по лучше его!
— Что-о?
— Эй, отстань, чахотная тварь!
— Не трогай, брюхалъ!

Столъ пошатнулся, диванъ трещитъ: на него обрушился любовникъ отъ толчка резонера. Посинѣлый любовникъ подымается и хватаетъ стулъ. Жизнелюбивые товарищи разнимаютъ... Кажется, вражда на всю жизнь, а прихожу вечеромъ въ уборную и вижу, враги разговариваютъ какъ ни въ чемъ не бывало. Боль физическая прошла—и все забыто!

Неужели они въ душѣ покойны? неужели не щемить боль?... Тѣ же вопросы задаетъ по-своему отцу и маленькой Сереежа.

— Папаша, они подрались, и опять ничего?

— И опять ничего, голубчикъ!

— А Делька вчера укралъ у меня гриневникъ, я его побилъ, а онъ не хочетъ мириться.

Здѣсь, какъ видите, польза дѣтямъ: онѣ берутъ у старшихъ уроки милосердія.

— А знаешь, мама, пишитъ Нюша, я бѣжала въ ложу, мнѣ мужчина конфектъ далъ, сказалъ, что я хорошенъкая, что у меня будетъ много-много любовниковъ какъ у мамалпи!

Снують эти дѣтскія головки среди кулисъ, слушаютъ игравыя шуточки родителей и публики, мутятся головки... И выгонять мальчика за лѣноту изъ одной школы, изъ другой; проворуется; клянуть его родители и сунуть смотрѣть „за выходами“; или закинеть онъ на всю жизнь юнкеромъ... Дѣвочка съ пяти лѣтъ румянится, подрисовываетъ глазки, цѣлуется, первы разстроены, глаза теряютъ блескъ; годы бѣгутъ... подоспѣть солдатское жалованье, отчаянная борьба за кусокъ хлѣба... гдѣ тутъ удержаться отъ разврата?

Всѣ эти русыя и темныя дѣтскія головки—мои дорогіе друзья. Я дѣлаю, что могу...

— Вотъ вы дѣтей очень любите, сказала Барышева, а про васъ говорятъ, что вы злой!

— Злой... да!...

Какъ я радъ подольше оставаться въ своей сѣрой комнатѣ, радъ-радешенекъ, когда одинъ, когда есть книга. Комнатка моя десять шаговъ длины и пять ширины. Кровать, столикъ, два стула; ни цветовъ, ни зелени, нѣтъ даже зеркала, потому что мое зеркало я повѣсила въ уборной. Портреты Мартынова, Добролюбова и С—вой спрятаны: сотни мухъ кишатъ вокругъ, сѣткой заткали окно. За то прохладно...

Подушку замѣняетъ мнѣ наволочка, набитая бѣльемъ. Жестко, да я привыкъ съ института къ крѣпкому изголовью. Я зачитываюсь до зари... Здѣсь есть тощенькая библіотека Данилова, которую къ моему горю онъ закрываетъ въ августѣ. (Чуть-ли всего не шестнадцать подписчиковъ!). Перечель Вальтеръ-Скотта и Купера. Съ какимъ трепетомъ брался я за этихъ старыхъ знакомыхъ! Я ихъ читалъ четырнадцати лѣтъ... Въ журналахъ новые имена, новые дѣятели, много именъ знакомыхъ. Глухо и крѣпко бьется сердце. Честныя рѣчи писателей правдой бываютъ по моей нѣмѣющей душѣ, пробуждаютъ тоску безсилія?... Боже, въ какую трущобу попалъ я! темный, мертвый міръ, куда не достигаютъ слова примиренія и ободренія, гдѣ голосъ человѣка—преступленіе. Это тоже „мертвый домъ!“

Труппа вздохнула легче: „номеръ первый“ уѣхалъ въ Пятигорскъ лечиться.

..... Пріѣхалъ на ревизію новый губернаторъ и разрылъ подземные грѣхи чиновнаго люда. Вчера прислалъ въ полицію коляску, велѣлъ уложить въ нее все дѣла, и—къ себѣ на домъ. Квартальные взвѣли... Не одна молитва за него вылетѣла изъ души нашего брата актера: онъ вслѣдъ строить „зимній“ театръ и назначилъ теа-

трамъную дирекцію. Вѣдь намъ предстояло послѣ сентябрѣкѣ ярмарки искать мѣста! Антрепренеры наши, если пожелаютъ отдать дирекціи библіотеку, костюмы и проч., останутся на жалованье. „Номеръ второй“ счастливъ. Желая услужить губернатору, будто-бы изъявившему желаніе видѣть „Губкина“ и „Малороссійскіе вареники“, „номеръ второй“ и З—вичъ отмѣнили дебютъ сестеръ За—скихъ. Эти дѣвушки пріѣхали сюда на днѣхъ; должно быть очень бѣдны, одѣты плохо, глядяте робко.

— Да онѣ и дрянь, совсѣмъ не надо ихъ! говорить „номеръ второй“.

— Зачѣмъ-же дебютъ дали, если не памѣрены ихъ оставить?

— Не памѣренъ.

— Значитъ хотѣли взять посредствомъ новыхъ лицъ лишнихъ 20 — 30 рублей, а онѣ хоть съ голоду умирай! Опѣ истратились, прожили здѣсь недѣлю, надо куданибудьѣхать, а тутъ успенскій постъ... Хороша для нихъ перспектива! Не честно.

— Ну, мы имъ дадимъ десять рублей, отвѣтилъ мнѣ этотъ зловредный добрякъ.

Дѣвушки не взяли этихъ денегъ. Лица ихъ горѣли стыдомъ, пабѣгали слезы... а актеры сонливо глядѣли на нихъ. Потупя головы, ишли онѣ домой, куда то за садъ, на конецъ города.

Я зашелъ къ М. И. Звѣревой и рассказалъ ей объ этомъ.

— Подлецы, подлецы! закипятилась она. Пусть онѣ ко мнѣ придутъ. Кто въ Бога вѣруетъ, приведетъ мнѣ этихъ сестеръ! Я имъ сейчасъ пятьдесятъ рублей даю, только чтобъ не смѣли брать этихъ десяти рублей!

Сестры были отысканы и выprovожены изъ города съ деньгами. Я всегда съ удовольствиемъ и уважениемъ жму руку этой взбалмошной, сумасшедшей актрисѣ. У нея всегда найдешь послѣднюю хорошую книгу; это—первая, встрѣченная мною „читающая“ актраса! Она первна до истерики, синѣеть отъ ладана и похороннаго звона... Во время спектакля вся отъ нея на сажень!

— Платье, ради Создателя, платье сомните!

— Создалъ Богъ, да и раскаялся! говорить про нее актеры.

Живая, человѣческая душа видна въ ней, страждущая и наболѣвшая отъ безконечнаго боя съ возмутительнымъ безобразіемъ „цѣнителей и судей“. Но на сцѣнѣ я ее не люблю: только чеканка фразъ и аффектація.

Одинъ изъ моихъ маленькихъ друзей сначала потаскивалъ у меня мелочь, а се-

годня вмѣстѣ съ пятью копѣйками исчезъ и перочинный ножикъ... Я сказалъ ему, что это огорчаетъ его бѣдную мать, которая глядитъ на него съ неба. Отширается, свалилъ вину на младшаго брата. Тотъ вспыхнулъ и заплакалъ.

— Вотъ ты какой, всегда на меня!

Скучно мнѣ, тяжело. То мнѣ хочется безпощадно проклинать всѣхъ и все, то упалъ-бы на колѣни передъ ними и молились только пощадить меня.

„Номеръ первый“ привезъ съ собою Караваевцева. Лицо антрепренера такъ и хотѣть сказать мнѣ: „теперь ты поплышеши, у меня есть актеръ на твои роли“! Но публика рѣшила иначе... увы! разгульная жизнь потушила въ Караваевцевѣ талантъ. Онъ пьетъ до тридцати рюмокъ въ день и вслухъ восторгается своимъ талантомъ...

— Ну что, еслибы настъ съ З-вичемъ въ Ставрополь? трескъ! При этомъ отпиваются изъ рюмки и грызется кусочекъ сахару.

— От-то, когда я былъ въ Кишиневѣ, отвѣчаетъ Г*, покачивая съ сокрушениемъ головою, и держа щепотку табаку,—такъ меня вызывали!

— Душ-шенька, обращается къ нему Ялевъ: сыграй для меня польку въ моей піесѣ!

— От-то, самъ перевелъ?

— Самъ душ-шенька, съ французского.

А по французски онъ ни бельмеса, просто береть старый переводъ, напримѣрь, „Заката солнца“, „Адама и Евы“. перифразируетъ, пошлетъ куда слѣдуетъ и валить за свое! Вотъ вамъ и литераторъ-актеръ!

— От-то и я написалъ добре піесу „Модный Свѣтъ“, да цензура не пускаетъ.

— А въ Пятигорскѣ-то,—схватывается вдругъ Караваевъ,—у, бѣда! Расплюева игралъ... Еще попы сдѣлали запросъ, почему въ успенскомъ посту сыграли въ театрѣ свадьбу какого-то чиновника Кречинскаго, а мы отписали, что обратитесь—моль къ католическому духовенству, потому что Кречинскій полякъ.

— От-то! Нѣть, я... за одну роль меня въ Сибирь сослали, т. е. хотѣли сослать. Со мной еще была собака...

И каждый день одно и тоже, и цѣлья сотни дней!..

На мою защиту сестеръ За—скихъ отвѣтили: театръ—не богадѣльня. Правда. Да развѣ наша труппа не инвалидная команда? Резонеръ—шамкающій; драматистъ—съ невыносимымъ польскимъ акцентомъ; примадонна-сорокалѣтняя женщина, годная играть гренадеровъ, а не мечтательныхъ дѣвушекъ; комики, въ роли Синегубова

(Живчикъ), обмакивающіе полы сюртука въ воду, на томъ основаніи, что Синегубову постоянно говоритьъ „застегнись“... Въ чиновномъ мірѣ есть спасеніе отъ плѣсени и ветоши: ей даютъ отставку. У насъ это немыслимо: у насъ все неувидаемыя розы, богатыя „прежнею“ славою. Да и что будутъ єсть эти миhiстые старики, если оставятъ сцену? Развѣ есть у нихъ пенсія или отъ бродячей жизни сбереглась копѣйка?

„Піта“, „нововводитель“!—вотъ чѣмъ сливу я у нихъ. Меня не любить, считаютъ фискаломъ, который рано или поздно влѣпить ихъ въ статейку. Во всѣхъ трупахъ бѣжитъ эта слава и отталкиваетъ всѣхъ... Виноватъ-ли я? какъ мнѣ жить? Неужели двуличіе, пустота, сивуха—жизнь? Только совы и летучія мыши боятся свѣта... Опротивѣла мнѣ, измучила меня эта самодурная сцена, съ актерами-кабатчиками, актерами-маркерами...

Зажгу свѣчу. И кто это вѣчно играетъ въ сумерки на фортепіано? Играль-бы что хорошее, днемъ, а то гаммы, гаммы въ сумерки. Помню я эти гаммы! О дѣтствѣ онѣ говорятъ. А тутъ лѣзеть въ голову эта пьяная, молоденькая женщина...

— Пороху принялъ, чтобы дитя вытравить... Ну чтожъ, я пью... пьянай легче.

Меня оскорбляютъ, издѣваются, а я гнисъ...
я давно пошла!

Лицо опухлое, а взоръ такой хороший,
жалкий, со слезою надорвавшейся груди.
Огонь театральныхъ лампъ мужа „дво-
рянина“ переливается въ этой слезѣ и
освещаетъ цѣлую глубокую драму...

Холодный, сумрачный октябрь принесъ
многимъ изъ насъ такую-же сумрачную
долю. „Зимній“ театръ поспѣеть не ранѣе
великаго поста. Эта вѣсть обрушилась нео-
жиданно, обожгла какъ молнией. Сосѣдній
антрепренеръ, Б—ть, мой московскій знакомый,
береть Л—скихъ, З—вича, М. И.
Звѣреву меня и другихъ. Остальные та-
щутся съ „номеромъ первымъ“ въ Бер-
дянскъ. „Номеръ второй“ намѣренъ око-
лачиваться у „медвѣжатниковъ“. Бѣдный
„дворянинъ“ совсѣмъ потерялся: гибель
его неизбѣжна. Да и безсовѣтно-же по-
ступила съ нимъ будущая дирекція: сры-
ла его театръ и ни гроша! Со слезами онъ
блѣаетъ по начальству, оттягиваетъ у
актеровъ жалованье, съ Барышевыхъ
требуетъ „за дорогу 150 р.“.

Я отправился къ городничему хлопотать
за Барышевыхъ. Дѣло такое. За Барышев-
вой посыпали актера С. въ Саратовъ.
Она обязалась служить сначала въ Ро-
стовѣ, потомъ зимой въ Таганрогѣ путе-

вья издеражки должны были принять на свой счетъ антрепренеры.

— Представьте себѣ, доказывалъ я городничему, что вы привезли сюда съ собою лакея; обстоятельства заставляютъ васъ ъхать въ Бердянскъ, а онъ не хочетъ, говоря, что вы наняли его въ Ростовъ,—неужели вы станете требовать съ него возврата денегъ, истраченныхъ въ дорогѣ? Наконецъ С. могъ и не сойтись съ нею въ условіяхъ, возвратился бы одинъ, слѣдовательно если и платить Барышевой, то только за половину дороги.

Это поразило городничаго, онъ крикнулъ жандарма и послалъ за антрепренеромъ.

— Я вѣдь какъ человѣкъ, заговорилъ онъ: а это не мое дѣло, потому что маклеръ не засвидѣтельствовалъ условія...

Дѣло кончили тѣмъ, что Барышева дала расписку въ пятидесяти рубляхъ, съ обязательствомъ уплатить ихъ къ 1-му февраля будущаго года. Женщину съ дѣтьми оторвали отъ хорошаго мѣста, не сдержали условій и дали на выборъ: или ъхать на вѣрный голодъ въ Бердянскъ, или заплатить пятьдесятъ рублей! Говорятъ, антрепренеръ не виноватъ, потому что театръ не готовъ. Но антрепренеръ и не могъ разсчитывать на чужой театръ, онъ

самъ обязывался везти труппу на зиму въ Таганрогъ, за 60 верстъ, а не въ бѣдный Бердянскъ; такъ дѣлалъ не сколько лѣтъ сряду, такъ всѣ и разсчитывали.

Голодъ и холодъ встрѣтили его въ Бердянскѣ. Богъ началъ свое наказаніе. М*. съ Н*. сбѣжали отъ него, Караваевцевъ умеръ, умерла жена, умерла одна, когда шелъ спектакль; не было около нея никакого и въ послѣднюю минуту. Дѣтскій лепетъ сироты-дочери можетъ быть заставить отца склонить съ раскаяніемъ старую голову *...).

Караваевцевъ умеръ въ больницѣ; въ день смерти больничный сторожъ тихонько принесъ ему водки...

Мои записки дѣлаются некрологомъ. Вирочемъ, как же иначе? Вѣдь каждый день хоронить по немногу человѣка...

*) Недавно я опять служилъ съ нимъ. Мы играли комедіей безъ антре-призы.

Славное это было время, безъ интригъ, вѣстное! Мы выбыли изъ этой труппы съ И. А*, хорошимъ товарищемъ и актеромъ.

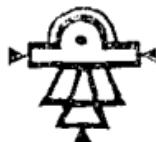
— Ваня, не уѣзжай, твердилъ ему антре-тренеръ при отѣздѣ: не уѣзжай Ваня.. и залпакалъ.

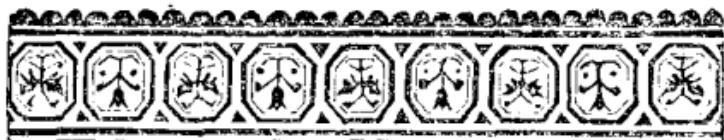
Первый разъ я тутъ видѣлъ плачущаго старика-актера.

Пожай вамъ и забвеніе, товарищи-братья! Я кипятился, негодовалъ на васъ за то, что вы не дѣлите моего горя, а дѣлали-ли я вине? Вамъ, задохнися отъ недостатка свѣжаго воздуха, гдѣ ужъ вамъ пытъ надѣть чужой бѣдою, когда своя суровая доля съ колыбели сосала добрые соки! Васъ не утишила книга, не поддерживало разумное слово; вы не знали дальние азбуки; вы и цѣльыхъ-то не есть не знали, а только плели свои роли по суплеру! Въ ваше царство произволя и гибли безъ вѣсти я попалъ прямо съ университетской скамьи: цоневоль, среди враждебнаго, не замѣтиль отраднаго. Таинственная сторона вашей жизни была скрыта отъ меня...

Этимъ пока я и кончу мои записки. Забытая семья провинциальныхъ актеровъ неотбойно требуетъ поддержки и воспитанія. Великою помощью въ этомъ дѣлѣ была-бы пенсія и касса для нуждающихся... потому что:

Холодно, странничекъ, холодно.
Голодно, родименький, голодно.

VI.

Роскошная постановка оперы.

 ЕВЯТЬ час. утра. Морозъ здоровыи... Я пріѣхалъ ночью и конечно утромъ побрѣлъ въ театръ, узнать: нельзя-ли зачиниться? А зачиниться очень нужно было. Нальтилико ужъ болыно плохое, а карманъ со всѣмъ дырявый...

По дорогѣ занесль въ пивную и хватилъ кружечку пива. Стало какъ-будто легче и веселѣе. Мѣстная газета понадалась... Между прочимъ, анонсъ о готовящейся роскошной обстановкѣ оперы Зора (Монсей)...

Въ то время были въ городѣ итальянская опера и русская драматическая труппа.

У кассы, не смотря на то, что не было еще 10 часовъ, уже ждали десятки людей.

Кассира, почтеннаго общаго нашего друга, Фр—ии, еще не было.

Пошелъ на сцену съ задиаго хода. Въ произыдающемъ холдѣ, въ полутьмѣ, возилось на сценѣ иѣсколько рабочихъ, кто въ суконной блузѣ, кто въ пальтишкѣ.

Они разстилали выкраиненое синей краской полотно. У суплересной будки стоялъ, въ обыденномъ своемъ разумѣ пальтишкѣ, какъ и *прежде*, знакомый машинистъ Султановъ, покрикивая: „протяни виередъ! отдай! палѣво! палѣво, говорятъ тебѣ, чортъ“! У ногъ его сидѣла собака Рябчикъ, съ отрубленнымъ хвостомъ и внимательно наблюдала за его движениими, точно понимая что (а Богъ ее знаетъ: надо спросить у Брѣма, можетъ и понимала!). Машинистъ и Рябчикъ были неразрывные друзья: Рябчикъ ходилъ по его слѣдамъ даже во время спектакля, и не было примѣра, чтобы неразумный песъ вздумалъ продебютировать передъ публикою. (О, еслибъ и мнѣ съ него взять примѣръ).

Немногого со *седьмую* оглядѣлся. Въ первої кулисѣ на связкѣ веревокъ сидѣла дѣвочка-клопинка съ носицѣлымъ носикомъ, постукивая башмачками.

— Тя-ятя, протянула она руки къ длинному рабочему: бу-улочку!

— Скоро душечка, скоро! Подожди, отвѣтиТЬ длинный рабочій.

Знакомый, знакомый... помню! Это мож крестинца просить булочку!

— Здравствуйте, г. Самсоновъ! обозвалъ меня какой-то белобрысній солдатъ.

— Здравствуйте.

— Съ прѣздомъ-сь.

Надо испытать нашу проклятую, кочую щую жизнь, чтобы понять слова: „*здравствуйте... съ прѣздомъ*“ Тутъ и слеза паготовъ и на шею радъ броситься...

— Развѣ вы меня знаете... помните?

— Помните, какъ же: полѣ нашъ стоять въ Киевѣ... требовали значить для самаго этого театра... Вы были этимъ самымъ распорядителемъ: мы еще въ вашъ бенефисъ Короля Лиринъ играли.

— Спасибо вамъ, что помните. Пожаль ему руку.—Что-же вы тутъ дѣлаете?

— Сюда пересели. Море изображаемъ.

— Какъ море?

— А это значитъ Моисей пдетъ, а потомъ и Фарамонъ...

— А, понимаю... Много получаете?

— По двугривенному, а при васъ въ Киевѣ получали по двадцать пять конѣекъ.

— Спасибо, что помните.

Даль ему дорогу и наступилъ кому-то на ногу.

— Ой! раздался молоденький голосокъ дѣвушки. Полетѣла у нея съ плеча корзина, должно быть съ платьями барыни.

— Манечка, вы ли это?

— Ууухъ!.. Тото-Манечка! Я-то Манечка, а вы такой же косолапый: у меня все кулисы стали къ верху ногами! Вась видно и смерть не береть: два года не выдались, а все такой же — отиустилъ бороду — удивительно! Корзину уронила — собирай теперь. Темно, ничего не разгляднешь...

— Да, темно.

— То-то темно! Собирайте же вмѣстѣ. Собрали.

— Что же вы здѣсь дѣласте?

У актрисахъ служу.

— Что?!

— Ну, такой же безтолковый! У актрисы горничной служу... А вы зачѣмъ сюда?

— Хлѣба пріѣхалъ искать: есть нечего.

— Вотъ то-то — ученый! Поступили бы лучше въ лакеи: была бы у васъ комната, столъ, а то... актеры, ученые!

— Да что вы такая сердитая?

— Да меня какой-то хористъ сейчасъ за щеку ущипнулъ, теперь даже горитъ...

— Такъ я-же тутъ при чемъ?

— Да ни при чемъ! а вы тары-бары не

разводите, а лучше, по старому, наставьте меня на умъ.

— Ну-те?

— Меня сватают. Парниахарь сватает и барабанъ.

— Какой барабанъ?

— Изъ театра.

— Вы еще такая молоденькая: не выходите замужъ!

— Ну вотъ видите, видите! а они пристають... я то же говорю: мнѣ еще и 17 лѣтъ нѣту. А ихъ перевалило уже на вторую дюжину: всѣхъ сортовъ, какъ комары лѣзутъ... ужасты! Да вы что мои руки-то берете, это ужъ пожалуйста...

— Вы хорошая девушка, трудитесь, Машечка.

— То же мнѣ и мамонька говорила. Вы говорите *по нашему*?

— Т. е. какъ по вашему?

— По хохлацки.

— Хм... нѣть.

— Жаль, поговорили-бы. Какъ увижу хохла, даже жилки задрожать: оттого барыня меня и на базарь не отпускаетъ... Трудись, говорила мнѣ мамонька, будешь счастлива. Я и тружусь. И-бы кажется все сдѣлала. Барыня машинку для шитья купила, сразу поняла. Только мнѣ у нея мало дѣла... Одѣнешь барышню, подме-

тешь компату, на машинкѣ что шибудь трахъ-трахъ — и нѣть ничего! На такое маленькое хохляйство три прислуги, да еще кучеръ... ужасты! Миѣ жаль, что ма-мошька умерла, она не знаетъ, какая я теперь. Вирочемъ она и оттуда видитъ... ей вѣдь легче отъ этого...

— Да да.

— Я вотъ на маковос зеришко чужимъ не поживилась! Я только разъ, когда они меня только приняли, взяла у нихъ со стола двѣ копѣйки, хотѣла за пряниками идти, а въ углу Божья Матерь смотрить на меня... „Чистая-пречистая, говорю: я никогда не буду, прости-те меня!“ — и положила двѣ копѣйки на-задъ. Господи, прости мое согрѣшиеніе!

— Манечка, вы послушаете, что я вамъ скажу?

— Я вамъ вѣрю: вы такой лицкій.

— Что?

— Къ душѣ линните.

— Живите и думайте такъ, какъ теп-перь.

— То-то и оно!

— Уходите, уходите г-да! Теперь не-льзя...

Манечка ушла со своей корзиною.

Не желая мѣшать машинисту, я къ по-

му не подходилъ, хотя очень желалъ бы видѣть старого товарища.

— Эй, вы! крикнулъ машинистъ въ кулисы: идите на сцену.

— Лѣвой, правой... разъ, два! послышалось въ темнотѣ.

Появилось изъ-за кулисъ десятка два солдатъ подъ предводительствомъ знакомаго мнѣ по Кіеву солдатика.

— Шапки-то киньте... вонъ туда! Да не туда, а сюда. Знакомый солдатикъ отобралъ шапки и сложилъ у кулисы.

— Обвязите чѣмъ нибудь головы. Есть чѣмъ? Обвязали, кто платкомъ, кто тряпицею.

— Лѣзьте подъ полотно, ложитесь на лѣвый бокъ... Стой, стой!

— Чего, не все еще!

— Стой! крикнулъ знакомый мнѣ солдатикъ: чего—не знаешь что-ли? Не все еще, съ укоромъ добавилъ онъ.

— А Господь же его вѣдаетъ! отвѣтилъ одинъ.

— Ну, началь машинистъ, когда ляжете. крутите правою рукою—вотъ такъ... попи- маете? Это вы значить будете волны изо- бражать.

— Вотъ такъ крутите! пояснялъ знакомый солдатикъ... Легли.

— Слушаемъ, ване благородіе, закрутимъ!

— Чего, какое благородіе, это-жъ театръ, дуракъ! замѣтилъ мой знакомый солдатикъ.

— Ну, испробуйте, крутите!

Закрутили. Рыбчикъ залаялъ.

— Цыцъ, Рыбчикъ, кушь! Ну, начинайте!

— Вотъ такъ море!—Воды вволю, хошь кунаise! съостриль другой солдатикъ.

Всѣ залѣзли. За двугривенный каждый солдатикъ долженъ былъ производить вечеромъ *волны*. Машинистъ (вместо Монселя), заходилъ по морю, поталкивая ногою кого вправо, кого влево.

— Охъ!—Ахъ!..—Эхъ, чтобы-те! глухо раздавалось подъ идоломъ, когда машинистъ нечаянно наступалъ на какую-нибудь часть солдатского тѣла.

— Ну, начинайте крутить. Легонько!

— Легонько! отозвался знакомый солдатикъ.

— Тише... тише! Эй, крайний слѣва, нога видна, сирячъ! Да ты кулаками-то не колоти!

— Не колоти кулаками! повторилъ знакомый солдатикъ.

— Ну... легче, легче... Такъ... стой, стой!

— Стой, чего вы!

— Когда скажу *смирно*—не шевелитесь.

— Не шевелиться! объясняль солдатикъ.

— А потомъ, когда вамъ скажутъ изъ-за кулисъ *поднимайся*, начинте опять крутить и подниматься, все подниматься, потихоньку, пока не встанете на ноги. Поняли?

— Слуш... ахъ, чтобъ-те, каблукомъ. дьяволъ!

— Ну, крутите!

Машинистъ изъ силъ выбивался, вытираль ситцевымъ платочкомъ, не смотря на холодъ, девятый иотъ.

У Рябчика шея заболѣла, слѣдя за хозяиномъ. Дѣло не ладилось. Чемпое море видно въ укоръ антрепренеру, пожалѣвшему устроить машину, выкидывало самыя неожиданныя штуки... въ одномъ мѣстѣ волны крутились,—ровно черти за ними гнались, въ другомъ ужъ очень съ повагой, въ третьемъ взлетали вверхъ, точно щучьи головы, заливая Моисея-машиниста, а передъ Фараономъ-рабочимъ разстунались.

Въ довершениѣ всего помощникъ машиниста не во-время выдернуль изъ-подъ ногъ Моисея черный каленкоръ, изображающій дно морское, и машинистъ-Моисей растянулся во весь ростъ.—Охъ, эхъ, чтобъ-те! застонали солдатики.

Зазвенѣлъ какъ серебро смѣхъ дѣвочки.—Они иглаются? спросила она у отца.

Ивился антрепренеръ, сося и кряхтя, со шляпой на затылкѣ. Отъ него посыпались слова: олухи, свиньи, скоты, дармоѣды... всѣхъ выгоню!

Наконецъ Чермнос море приблизительно вошло въ свою роль.

Солдатики вылѣзли красные, въ синякахъ, въ поту и въ пыли.

— Вотъ такъ Фарамонъ! замѣтилъ одинъ синякомъ.

Вечеромъ у кассы было столпотвореніе. Барышники зарабатывали сколько влѣзть въ душу; съ галлеренъ полиція выкинула штуку пятьдесятъ зрителей во избѣженіе провала. Публика была въ восторгѣ.

Рецензентъ прибѣжалъ въ 12 час. ночи въ типографію и помѣстилъ въ газетѣ слѣдующее: „Опера прошла великолѣпно, для постановки ничего не желается ждать лучшее;—видимо антрепренеръ не щадилъ издержекъ; если бы не несчастье съ машинами, уронившими Моисея во время его шествія, то лучше ничего и желать. Мы имѣемъ факты и данные, что эта ошибка, неизбѣжная при постановкѣ въ первый разъ такой грандіозной оперы, конечно будетъ устранина въ слѣдующія представленія“.

А вотъ *мои* факты и данные. Мой кумъ, рабочій и помощникъ машиниста, ухи-

трился сотворить во время спектакля то же, что и на реистрии, т. е. выдернуть каленкорь раньше времени, — Моисей споткнулся, и море стало заливать его войско — и конечно антрепренером тотчас же был изгнанъ. Собравъ топорикъ, клещи, молоточекъ и взявъ свою сошнюю девочку на плечо, онъ надрываясь и синяя отъ кашля и холода, направился въ свое далекое жилище. Я вызвался его проводить.

— Выдернулъ раньше каленкорь... Музыкантъ я что ли! ноты твои понимаю? А ты мѣй вмѣсто того, чтобы со знакомыми баллсы точить въ конторѣ, скажи „дергай“ — и выдерну!.. Загрозилъ, па-ка!.. Вы что? Жако — бразильская обезьяна, канканчикъ поплясать — и все. А я вотъ съ топорикомъ... Это я несу моихъ кормильцевъ!.. Топорикъ — мой кормилецъ! Эка важность. Ты вотъ сегодня двѣ тысячи сбору взялъ, а меня выгналь... А дѣтки? пить? ёсть? То-то и оно! А съ монимъ топорикомъ-красавчикомъ я пойду дрова рубить; съ молоточкомъ — мебель околачивать.—Хлѣбъ! Вотъ у меня какой топорикъ да молоточекъ! Топорикъ мой красавчикъ, вотъ я милчика поцѣлую!

Онъ поцѣловалъ обледенѣлую сталь. А девочка спала на другой рукѣ.

— Я зайду, кумъ, къ тебъ, говорю, можетъ что нужно.

— Э, пѣть, матушка, не заходи. Хозяйка—бѣда! Вчера выгнала актера Бродкина... знаешь? а сегодня и мнѣ велѣла убраться.

— За что?

— Бродкинъ вѣдь шутъ гороховый, все шутилъ надъ нею: увѣрялъ, что актеры рѣжутъ на сценѣ людей. Баба она простая... Сини, спи, дѣточка!... Вѣ оетрогъ, сирашивала, сажаютъ васъ за это? Случается. И крадете? Да. Ты сидѣлъ? Это она у Бродкина спрашиваетъ. Сидѣлъ. Кралъ? Кралъ. И убивалъ? Убивалъ. Полиція-то что-жъ? Ничего, смотритъ. Приѣжалъ онъ вчера со спектакля—известно, молодость—бросился передъ нею на колѣни и со слезами орѣтъ: „убилъ, оинъ убилъ... маленькаго мальчика убилъ“! Старуха испугалась, тихонько занесла его на ключъ и от发ила въ часть. Явилась полиція, отворила комнату. А частный приставъ—знакомый Бродкина. Глядитъ: Бродкинъ съ колпакомъ на головѣ, сдѣланіемъ изъ посowego платка, строить ему рожи. Плюнула баба и дала зарокъ не пускать па квартиру никого изъ театра. Отказала ему и мнѣ.

Солдатики, получивши по двугривен-
ному, бѣжали въ свою далекую казарму,
поговаривая: Фарамо-онъ! — Антрепренеръ,
получивши двѣ тысячи рублей, угощалъ
примадонну устрицами, шабли, шампан-
скимъ...

Машинистъ былъ оштрафованъ 25 руб-
лями; съ горя накатился и только при
помощи своего Рябчика разыскалъ свою
квартиру.

— Топорикъ мой, красавчикъ! плакаль
въ это время человѣкъ надѣ сиящею про-
стуженною дѣвочкою, укутаниою имъ ка-
кимъ-то тряпьемъ. Лекарства купить не
на что... А выюга разыгрывалась все силь-
нѣе и сильнѣе! не то чудился приливъ
морскихъ волнъ, не то набать...

Вырученныя 2 тыс. руб. антрепренеромъ
были на другой день пущены въ ходъ на
биржѣ на покупку *пшеницы*.

Крестница моя скончалась. Топорикъ,
молоточекъ пошли на лекарство...

Я не знаю, многіе-ли помнятъ *Альтон-
ское убийство*. Одинъ конторщикъ, гу-
ляя въ саду, встрѣтилъ кучку дѣтей. Дѣ-
вочку 8—9 лѣтъ онъ позвалъ гулять съ
собою. На другой день близкіе ей люди
спохватились, что ея нѣть. Оказалось слѣ-
дующее: онъ ножомъ разрѣзalъ всю ее

на мелкие куски: где валялась ручка, где пожка...

Въ дневникѣ этого молодаго человѣка нашли сдѣлующес: „Убилъ маленкую девочку, спитло и легко на душн“.

Не то-же-ли сдѣлали и теперь? Убили двѣ души...

VII.

Первый народный театръ.

Изъ записокъ актера.

БУДУ говорить не о московскомъ народномъ театрѣ, а объ одесскомъ. Онъ возникъ ранѣе и вправѣ считаться *первымъ*.

Это было въ 1870 году. Грустный и нечальный годъ для антрепренера городского театра Фолетти! До того времени дума не позволяла открытие другаго театра; итальянская опера въ перемежку съ русскими драматическими спектаклями, наезды налетомъ иногда какого-нибудь цирка — вотъ всѣ развлечения для 200 тысячнаго народонаселенія. Но тутъ вдругъ дума почему то *надумалась*: уничтожила монополію. Явилась французская труппа подъ предводительствомъ г-жи Келлеръ и открыла спектакли въ камен-